

ОШО

БЕЗ

МАЛЕЙШИХ

УСИЛИЙ

Беседы о суфийских историях

ОШО

ВСЬ

Путь мистика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

**Без малейших усилий. Беседы
о суфийских историях**

ИГ "Весь"

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Без малейших усилий. Беседы о суфийских историях /
Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

На протяжении веков суфийские мастера обучали своих учеников на примере древних историй дервишей – эти притчи помогали достичь осознанности и встать на верный путь в личном духовном поиске. Ошо рассказывает эти старинные суфийские истории – мудрые, остроумные, невероятно красивые, – и объясняет их суть. «Если вы поняли, что жизнь – это дар, то все, принадлежащее жизни, также становится даром. Счастье, любовь, медитация – все прекрасное становится даром божественного. Это невозможно заслужить никакими усилиями, вы не можете заставить жизнь сделать вас счастливыми, любящими, медитативными. Любое усилие от эго, само усилие делает вас несчастным», – говорит Ошо. Наполнитесь существованием, прочувствуйте истории суфийских мудрецов – и вы откроете мир осознанности и гармонии.

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.

© ИГ "Весь"

Содержание

Глава 1. Учение неучения	6
Глава 2. Зачем ты пришел?	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо) Без малейших усилий. Беседы о суфийских историях

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Учение неучения

Один человек пришел к Либнани, суфийскому учителю, и между ними произошел такой разговор.

Человек: Я хочу знать. Ты научишь меня?

Либнани: Не думаю, что тебе известно, как учиться.

Человек: Не мог бы ты научить меня этому?

Либнани: Способен ли ты узнать, как позволить мне научить тебя?

Истине нельзя научить... но ее можно узнать. И между двумя этими утверждениями находится ключ к пониманию всего. Так что позвольте мне повторить: истине нельзя научить, но ее можно узнать – потому что истина не учение, не доктрина, не теория, не философия, не что-нибудь вроде этого. Истина – это существование. Истина – это *бытие*. Любые разговоры о ней бессмысленны.

Если вы начнете говорить об этом, вы будете ходить вокруг да около. Вы будете искать тут и там, но никогда не проникнете к средоточию. Едва вы задали вопрос *об этом*, вы уже на пути к тому, чтобы потерять все. Туда можно войти напрямую, но не окружным путем. Туда нет переправы. Истина здесь и сейчас. Только она и есть. Больше ничего нет. Поэтому в тот самый миг, когда вы задались вопросом о ней, ум уже сдвинулся с того самого места, где истина. Вы уже где-то в другом месте, а не здесь и сейчас.

Истине нельзя научить, потому что слова не достигают ее. Слова бессильны. Истина глубока, невыразимо глубока, бесконечна. Слова очень и очень поверхностны. Вы не сможете облечь истину в слова, это невозможно. А как учить, не используя слов?

Посланием может стать молчание. Оно может достичь истины, оно может переправить к ней. Но тогда вопрос не в том, как мастеру научить истине. Вопрос в том, как ученику узнать ее.

Если бы вопрос был в том, как научить, мастер бы придумал что-нибудь.

Но слова бесполезны – от них никакой помощи. Мастер может молчать и каждой порой своего существа слать послание – но тогда ученик должен понять это. Без всякой помощи, без подсказки мастера ученик должен принять это послание.

Вот почему в мире религии нет учителей, но есть мастера. Учитель – это тот, кто учит, а мастер – тот, кто **ЕСТЬ**. Учитель – тот, кто говорит об истине, а мастер – это сама истина. Ты можешь узнать ее, но ей невозможно научить.

Он может быть рядом, открытый, доступный – пейте его, вкушайте его. Наполняйтесь им. Запускайте от него. Пропитывайтесь им.

Мастер – это тот, кто стал истиной, которую может впитать в себя любой подготовленный. Вот почему Иисус говорит своим ученикам: ешьте меня. Истину можно вкушать, ее нельзя изучать. Вы можете впустить ее в себя, но никто не может ее вам передать.

Истина абсолютно ненасильственна, она не способна даже постучать в вашу дверь – даже это будет чрезмерно, в этом будет агрессия.

Если вы позволите, если вы откроетесь, она станет вашей. Если вы закрыты, бесчувственны, вы можете искать истину миллионы жизней, продолжая упускать ее каждый миг. А она всегда рядом, всегда перед вами. Не надо даже поворачиваться к ней. Не надо даже открывать глаза. Не требуется ни малейшего движения. Она уже здесь – вам следует просто открыться ей.

Истине нельзя научить, но, тем не менее, ее можно узнать. Постигание этого искусства зависит от того, сумеете ли вы стать учеником.

Человечество делится на три части. Одну часть, самую большую, почти девяносто девять процентов, истина вообще не беспокоит. Эта часть человечества ничего не помнит. Она всегда

спит. Ее ничего не интересует. Она живет сомнамбулической жизнью. Вопрос о том, что такое истина, даже не приходит ей в голову. Это самая большая часть человечества.

Такие люди проживают свою жизнь в неведении, совершенно не осознавая, что им ничего не известно. И они не только не осознают это – они уверены, что знают все, что необходимо.

На самом деле, это часть их сна: они спят и думают, что все знают. Зачем учиться? Чтобы *уничтожить* жажду знания, самое лучшее – считать, что ты уже все знаешь. Тогда вопрос об обучении даже не стоит, не надо становиться учеником. Вы полностью удовлетворены – вам хорошо в своем склепе. Вы мертвы.

Это самая большая часть человечества. Даже если вы обратитесь к этим людям и начнете рассказывать им об истине, они рассмеются. Они спросят, что за чепуху вы несете. Мало того, они будут отрицать, что существует что-то подобное истине, или Богу, или нирване. Если вы передадите им послание от просветленного существа, они скажут, что все это не правда, что просветленных не бывает. «Мы – человечество, мы лучше знаем».

Однажды кто-то спросил Вольтера о происхождении религии. Говорят, Вольтер ответил: «Религия возникла в тот день, когда на свет явился первый мошенник и повстречался с первым на свете глупцом». Из случайной встречи мошенника и глупца появилась религия. В этом есть крупинка истины. В каком-то смысле это правда – но эта правда касается псевдорелигии, а не религии.

Религия возникает не как встреча мошенника и глупца – только псевдорелигия возникает таким образом. Религия возникает как встреча мастера и ученика. Религия возникает как встреча того, кто достиг, и того, кто искренне стремится достигнуть. Религия возникает как встреча истины и ученика.

Но первая часть человечества об этом не знает, ничего не знает, потому что, когда нет поиска, нет вопрошания, жизнь протекает комфортно, без усилий. Они падают и падают все ниже. Они никогда не растут вверх, они никогда не забираются на вершины. У них нет знания. И не только нет знания, но они даже представить себе не могут, что возможны пиковые переживания, что можно забраться на вершину экстаза.

Они пребывают в состоянии почти животном: едят, спят и больше ни в чем не нуждаются. Рутинная жизнь, катящаяся как колесо: они рождаются, живут, дают жизнь другим существам и умирают. А колесо продолжает катиться: они снова рождаются, и все опять повторяется, раз за разом, до тошноты.

Но есть и другая часть человечества, немногочисленная – те, кто ищет. Однако они не знают, как узнать. Они в поиске, но они не знают, что их поиску не хватает внутренней трансформации – только тогда они смогут узнать. Нужна внутренняя мутация. В этом случае обучение не похоже на любое другое обучение. Вы можете изучать химию, физику, математику, не меняя своего сознания. Нет никакой необходимости менять сознание: вы можете обучаться, оставаясь прежним. Но религия – это такой предмет, где основное требование гласит: начни с изменения сознания. Прежде чем начнется обучение, вы должны быть готовы к нему. Требуется долгая подготовка, иначе обучение даже не начнется.

Вторая часть ищет, но она не готова – поэтому она кружит и кружит среди теорий, гипотез, ментальных проекций, плодов воображения хитроумных людей, словесных построений, философий, метафизик. Для таких людей созданы тысячи теорий.

У них есть выбор – на рынке полно товара, можно перебирать одну теорию за другой, потому что ни одна теория не даст того, что нужно. Теории ничего не могут дать, поэтому, пресытившись одной теорией, можно обратиться к другой, пресытившись одним учителем, можно уйти к другому – так они и делают, и становятся странниками.

Я встречаю таких людей каждый день. Они были и в том ашраме, и в этом, обучались у этого учителя и у того, переходили с одного места на другое – и ничего их не удовлетворяло. Одного они не понимают: проблема не в учителе, проблема в том, что они фундаментально не

готовы. Они не готовы быть учениками, а если вы не готовы быть учеником, как вы можете найти мастера? Традиция говорит, что, когда ученик готов, мастер сам появляется перед ним. Его не надо искать – он появится сам. Как только ученик готов, мастер тут же является ему. Вы можете искать его без усталости, и он никогда не придет. Что-то не так в вас самих. Что-то внутри вас препятствует вашим усилиям. Вы не готовы.

Вы не сможете встретить мастера на своих условиях, вам надо будет соответствовать *его* условиям. Эти условия вечны, неизменны, они всегда одни и те же. Вам надо будет узнать, как стать учеником.

Эта вторая часть человечества превратилась в огромную толпу ищущих. Они никогда ничего толком не достигают. Они как камни, которые катятся и никогда не обрастают мхом. Они все катятся и катятся...

Но есть и третья часть – редчайшие человеческие существа, исключения, сливки человечества.

Эта третья часть тоже ищет, тоже в поиске, но их поиск не интеллектуальный, их поиск тотальный. Их поиск не в том, чтобы изучить еще один предмет, – их поиск настолько тотален, что они готовы умереть ради него, готовы ради него полностью измениться. Они готовы выполнить любые условия. Даже если условием будет смерть, они готовы умереть. Но они хотят узнать истину, хотят быть в царстве истины: они не хотят жить в мире лжи и иллюзий, мечтаний и проекций.

Люди из этой третьей части становятся учениками. И только человек такого типа, достигнув, может стать мастером.

Вот почему я говорю, что истине нельзя научить, но ее можно узнать. Это целиком и полностью зависит от вас самих.

Мастер существует – вам надо находиться в его присутствии, полностью опустошив себя. В этом смысл умирания. Ученик приходит и умирает в мастеру. Это и есть капитуляция.

Он приходит и оставляет себя за дверью. Там, где он снимает обувь, он оставляет себя. Он приходит к мастеру полностью пустым. И в этом крайнем опустошении возможна истина. В эту самую пустоту мастер начинает втекать. Мастер становится мощным водопадом, падающим в пропасть ученика. С вершины своего бытия он обрушивается в глубину пустоты ученика. Но учтите, он ничего не делает для этого – все происходит само собой. Когда пропасть разверзлась, водопад обрушивается туда сам собой. Бытие мастера начинает заполнять ученика.

Это не то, что делается мастером, и это не то, что делается учеником, – никто ничего не делает. Мастер присутствует перед учеником, ученик присутствует перед мастером, и тогда все происходит само собой. Пламя мастера перекидывается и воспламеняет сердце ученика. Но сердце должно быть открыто, ученик должен быть пустым – просто воспринимающим.

Вот почему я говорю снова и снова, что искусство ученичества – это искусство женского восприятия: надо быть принимающим, впускающим, не создавая барьеров, не закрывая дверей, не требуя безопасности и гарантий. Надо доверять.

Доверие – главное слово. В доверии открывается истина. Доверять – значит быть готовым узнать истину. Да, доверие – главное слово. Доверять – значит быть учеником.

Если вы все еще раздумываете, вы по-прежнему контролируете. Вы еще не сдались. Если вы продолжаете говорить, что это верно, а то не верно, тогда вы из второй части человечества, не из третьей.

Теперь давайте посмотрим на эти три части с другой точки зрения. Душой первой части человечества владеет сомнение, и это сомнение настолько велико, что можно утверждать: сомнение – это их вера, вера в неверие. Оно настолько велико, потому что первая часть человечества – самая большая, подавляющая часть – никогда не подвергает сомнению само сомнение. Оно доверяет только сомнению.

Если вы в сомнении, если вы совершенно уверены в своем сомнении, вы всегда будете полностью закрыты. Даже форточку не приоткроете. Чтобы стать учеником, нужно совсем другое. Вам будет трудно стать даже простым студентом – сама мысль о том, что кто-то знает больше вас, будет неприемлема.

Эта часть сама себя обманывает, она безнадежна. Эти люди подобны гряде камней, они мертвы, в них нет жизни, потому что, если энергия в вас не течет все время в неизвестное, вы не можете жить.

Только когда вы каждый день устремляетесь в неизвестное, вы живете, в вас есть пульс жизни. Сердце бьется. Вы растете. Рост – это всегда рост из известного в неизвестное.

Вторая часть человечества в поиске, тут сомнение уже поколеблено. Но у их доверия пока нет корней. Они оторвались от большей части человечества, чуть-чуть отошли от нее – даже это чуть-чуть уже не позволит им вернуться, – но все же они в заточении, застряли на полпути. У них все еще нет доверия.

Первая часть слишком доверяет сомнению, вторая часть сомневается в своем сомнении, но к доверию еще не пришла. Третья часть доверяет доверию. Такое доверие абсолютно. Люди из второй части назовут вас слепым. Ваша *шраддха*, ваше доверие доверию покажется им слепотой. Первая часть человечества назовет вас сумасшедшим. Ваше доверие в их глазах будет казаться безумием. Как мыслящий человек может быть таким доверчивым? Невозможно. Но для третьей части, для тех, кто поверил, такая слепота оказывается единственной возможностью видеть. А безумие – самим здоровьем.

Эти три части человечества говорят на разных языках. Они не общаются друг с другом – это почти невозможно. Это подобно тому, когда вы разговариваете с человеком, не зная его языка, а он не знает вашего языка – вы сможете ему сообщить что-нибудь лишь жестами, да и то совсем немного.

Суфии говорят, что только третья часть человечества может узнать. Суфийские мастера очень придиричивы. Очень трудно стать учеником суфийского мастера, очень и очень трудно. Они нагромоздят всевозможные препятствия для этого.

Прежде всего, они живут такой неприметной жизнью, что вы даже не заподозрите, что перед вами мастер. Они живут абсолютно неприметной жизнью. Например, мастер может быть кузнецом или сапожником, изготовителем ковров или мясником, или плотником – он может жить самой обычной жизнью. Вы даже не заподозрите, что человек, который делает обувь или чинит ее, – мастер. Он не допустит, чтобы такое подозрение даже зародилось. Так он оберегает себя от тех, кто не готов, но думает, что готов. Таким образом, он избегает непрошенных гостей.

Вы никогда не увидите, чтобы суфийский мастер пошел в мечеть или в храм – в любое публичное место, – чтобы помолиться. Нет, он молится тогда, когда все глубоко спят, среди ночи. Даже его жена может не знать о том, чего достиг ее муж. Это часть суфийского метода – не раскрываться перед кем попало.

Должно быть, Иисус какое-то время жил среди суфиев в Египте. Он привнес в Библию некоторые их учения. Одно из них такое: пусть твоя левая рука не знает о том, что делает правая. Это суфийская традиция: живи сокровенной жизнью, чтобы никто ничего о тебе не знал, чтобы не докучали непрошенные гости, не стучали в дверь псевдоискатели, не отнимали время и энергию глупцы.

Во-вторых, если каким-то образом вам удалось узнать о суфийском мастере, вам придется ждать годами – как подмастерью, без всяких медитаций. Если он сапожник, вы годами будете учиться ремеслу сапожника. Хозяин будет суров. Может пройти десять лет, двенадцать лет, а вы все будете тачать сапоги, помогать в ремесле, и никакие вопросы не будут допустимы, до тех пор, пока сам мастер не спросит: «Для чего ты здесь? Что тебе надо?»

Он будет наблюдать за тобой. Он всегда будет рядом. И постепенно ваша совместная жизнь даст росток чему-то новому, исподволь, благодаря чему-то второстепенному – напри-

мер, сапожному ремеслу. Это и будет медитацией, потому что ученику будет велено делать только то, что сказано, ни о чем не размышляя.

Запомните: если вы делаете что-то своими руками, для ума появляется хорошая возможность оставаться пустым. Если вы занимаетесь умственным трудом, для этого куда меньше шансов, ведь вам приходится использовать ум.

Суфии работают руками – ткуют ковры, шьют обувь, плотничают или что-нибудь вроде этого, но обязательно выполняют работу руками. Руки и голова – это два полюса, и если ваша энергия течет через руки, голова постепенно опустошается. Проходят годы, двенадцать лет – огромный срок! – а вы просто работаете руками, полностью забыв о голове. Она не нужна. Голова перестает работать, и это именно то, что нужно для ученика: голова должна бездействовать. Мышление должно прекратиться. Ум должен стать не-умом – не вынашивать в себе мысли, идеи, мечты, быть полностью свободным.

Пока ученик работает подмастерьем, тачает сапоги, мастер не перестает наблюдать, что происходит в его голове. Течет ли вся энергия только к его рукам?

Современные физиологи признают, что, когда человек работает руками, энергия к ним течет от головы. Та же самая энергия. Ваша правая рука соединена с левым полушарием мозга, левая рука – с правым полушарием. Попробуйте вот что: когда вы почувствуете, что слишком много думаете и не можете остановиться, быстро потрите ладони, чтобы они стали горячими, – внезапно вы поймете, что голова перестала кипеть, энергия перетекла в ладони.

Для людей, страдающих бессонницей, это замечательное лекарство, оно лучше любого транквилизатора. Надо просто закрыть глаза и начать тереть ладони, чтобы они становились все горячее и горячее – они действительно нагреются. Кроме того, надо представлять, что они нагреваются. Когда ладони нагреются, голова станет холодной. Таковы два этих полюса.

Руки должны быть горячими, а голова – холодной. Но когда в голове слишком много мыслей, она становится горячей, а руки – холодными. Это нездоровое состояние. Вы постепенно теряете разум. В какой-то момент голова начнет работать сама по себе, отдельно от тела. Это и есть безумие: часть становится автономной, часть становится диктатором.

Японские мастера дзен никогда не перестают работать руками. Исламские мастера-суфии никогда не перестают работать руками. Делать что-нибудь руками – прекрасное занятие. Оно переводит энергию из головы в тело.

Если вы годами будете работать руками, вы останетесь *без царя в голове*. Физически голова будет на месте, но энергетическая, мыслящая часть головы исчезнет – вы будете без царя в голове.

Ученику следует провести годы рядом с мастером. Это очень трудно без доверия, потому что кто знает, мастер этот человек или нет? Кто знает, достиг он чего-то или нет? Как об этом судить? Но если в вас есть доверие, постепенно возникает внутренняя близость с мастером – внутренняя близость, подобная той, которая иногда возникает между влюбленными. Однако между влюбленными такая близость возникает очень редко, потому что влюбленные ни в чем не уступают друг другу. Они только говорят – они говорят, что уступают, но сами никогда не уступают. На самом деле, уступка оказывается лишь способом манипуляции, уступка может быть просто обманом. Борьба между влюбленными не прекращается.

Очень редко, но иногда это случается: если двое влюбленных действительно любят, между ними возникает подобная близость. Каким-то образом они становятся одним целым. Возникает мост. Их тела остаются отдельными, но язычки пламени внутри их тел, сближаясь, вдруг становятся единым огнем. В любви такое бывает редко, да и то лишь на время – язычки пламени разъединяются, снова сближаются и снова разъединяются. И так без конца. Но если такая близость возникает между учеником и мастером, сближение становится все глубже и глубже, и, наконец, наступает момент, когда существуют два тела, но в глубине этих тел больше нет никакого разделения. Огонь перекинулся и слился в одно пламя.

Учиться у мастера – значит учиться быть вместе с ним. Учиться у мастера – значит учиться тому, как *не* оставаться в самом себе.

Религиозное учение абсолютно отличается от всех других учений, от всех других дисциплин. Изучая другие дисциплины, вы остаетесь прежними. Вы просто начинаете накапливать информацию. Если вы хотите изучить географию, вы идете к учителю и изучаете ее. В вас ничего не меняется, только информации становится больше. Вы становитесь все более и более знающими, но ваше бытие, качество бытия, состояние бытия остается прежним.

Когда вы приходите, чтобы постигать религию, истину, все по-другому: информации не становится больше, вы не узнаете ничего нового, но бытие растет внутри вас. Не знаний становится больше, а вас *становится* больше. Не память становится более тренированной, нет – просто ваше бытие, само ваше бытие становится все более спокойным и молчаливым, блаженным.

Религия – это познание бытия. Все остальные науки – лишь средства для развития памяти. Все остальные дисциплины дают вам знание. Религия дает *познание*, а не знание – познание, способность видеть, потрясающую энергию бытия. Эту разницу надо понять, тогда вы сможете понять этот краткий, но многозначительный диалог:

Один человек пришел к Либнани, суфийскому учителю, и между ними произошел такой разговор:

Человек: Я хочу знать. Ты научишь меня?

Этот человек говорит о своем желании. Желание необходимо, но его недостаточно. Вы можете желать, но это не значит, что вы готовы. Ваше желание может быть просто мечтой, ваше желание может проистекать из неверных побуждений, ваше желание может не иметь под собой никакого основания, оно может оказаться бессильным. Ваше желание может оказаться желанием попрошайки – а истина не открывается попрошайкам. Ваше желание может быть просто ребячеством. Совершенно случайно вы вдруг пришли к мысли, что вам необходима истина, что вам надо познать Бога.

Желание ничего не стоит, если оно не превратилось в жгучую потребность – то, что Шри Ауробиндо называл *абхенсой*. *Абхенса* означает такую интенсивную жгучую потребность, что вы полностью поглощены ею. Кроме нее ничего не остается. Вожделеет не отдельная ваша часть, вождеете вы весь целиком, без остатка. Эта страсть становится вашим бытием. Тогда это *абхенса*. Тотальное желание, ради которого можно все отдать.

Обычное желание – лишь рябь на поверхности ума. Вы идете по улице, и мимо вас проезжает прекрасный роллс-ройс: в голове появляется желание обладать таким же роллс-ройсом. Вы видите красивую женщину – возникает желание. Такое желание – лишь рябь на поверхности, а истина не открывается тем, кто идет к ней так вяло. Истине нужны вы целиком.

Истина похожа на женщину: ей нужно полное обладание. Истина не станет терпеть соперников, она ревнива. Если у вас сотни желаний, и одно из них – желание истины, тогда вы не готовы встретиться с истиной. Когда сотни желаний исчезнут и останется только одно желание истины, когда все желания сольются в одно, тогда это *абхенса*.

Это становится жгучей потребностью, тотальной потребностью – все ваше существо охвачено пламенем, горит – вы готовы рискнуть всем на свете ради него.

Человек сказал: *я хочу знать*.

Узнать невозможно, если вы просто хотите. Каждый день ко мне приходят люди, которые говорят со мной о Боге, о медитации, о всяком таком, и если я сразу не отвечаю им на их вопросы, если я продолжаю говорить о чем-то другом, через несколько секунд они уже забывают, что пришли ко мне с вопросом о Боге. Это было обычное желание, прихоть ума, без всяких корней. Но если вы испытываете жажду и придете ко мне, чтобы попросить воды, а я начну говорить о чем-то другом, это не утолит вашей жажды – наоборот, чем больше я буду

говорить о другом, тем сильнее будет ваша жажда. Едва я начну говорить, вы перебьете меня: «Дайте мне стакан воды, меня мучает жажда». Если я продолжу говорить, ваша жажда будет усиливаться. Едва я остановлюсь, вы скажете: «Я умираю! Дайте мне стакан воды!»

Но вы приходите и начинаете говорить о Боге, вы говорите, что вам нужно познать Бога, а я спрашиваю, как ваше здоровье и как ваша жена, как дети, – и вы тут же забываете о Боге. Вы остаетесь со мной еще на час и больше не вспоминаете о Боге.

Это была не жажда, а случайное желание, забредшее в вашу голову, желание без корней. Просто рябь на поверхности после легкого ветерка. Вы гуляли, и по дороге вам повстречался саньясин. Он был в оранжевой одежде – и вот вам в голову пришла мысль, что неплохо бы узнать, что такое саньяса. Вы никогда прежде не думали об этом, не мечтали об этом, это никогда не было жгучим желанием – просто вы увидели саньясина, и его оранжевая одежда заронила в вас новое желание. Ветерок пролетел, а рябь осталась, и вам вдруг тоже захотелось приобщиться к этим людям в оранжевой одежде.

Что такое медитация? Вы приходите ко мне и спрашиваете о медитации. Но вы имеете в виду что-то другое. Вы спрашиваете о ней, но думаете о другом. Вы думаете о медитации так, как будто я могу вручить ее вам, чтобы вы отнесли ее домой, как любую другую вещь, купленную на рынке.

Медитация требует долгой подготовки. Медитация полностью изменит вас.

Однажды ко мне пришла женщина – она принадлежит к одной из богатейших семей Индии – и сказала, что хочет медитировать, но ей надо знать, не будет ли в ее жизни осложнений, если она начнет медитировать?

Я спросил: «О каких осложнениях вы говорите?»

Она рассказала, что у нее есть муж, дети, большая семья. Если она будет медитировать, не приведет ли это к размолвкам? Ведь ее муж совсем не интересуется медитацией. И не только не интересуется, он категорически против этого. «Я пришла к вам тайком. Я бы могла тайно медитировать, но мне нужна уверенность, что моя семейная жизнь ничуть не пострадает».

С ней была другая женщина. Она сказала: «О чем ты говоришь... Ведь медитация сделает тебя лучше! Ты станешь более спокойной, умиротворенной – как это может осложнить твою семейную жизнь? Твоя жизнь станет лучше!»

Я слушал. Тогда первая женщина сказала: «Да, если это так, я готова».

Я сказал ей: «Все будет не так, и не важно, лучше вы станете или хуже: вы изменитесь, и ваши отношения окажутся под угрозой».

Я не один раз наблюдал, что, если вы становитесь хуже, это не так губительно сказывается на отношениях, чем в том случае, когда вы становитесь лучше, – потому что когда вы становитесь лучше, другое это страдает гораздо больше.

Если муж начинает медитировать, это жены страдает больше – ведь муж опередил ее, и он удаляется от нее. Он стал более молчаливым, и когда его жена злится, он может не реагировать – но ее злость от этого только растет. Жена думает: «Что он о себе возомнил? Что он святой?»

Она постарается стянуть вас вниз, туда, где вы были раньше. Ваш гнев ей знаком, но молчание незнакомо, вы кажетесь ей странным. Вы совсем не похожи на ее мужа. Вы совсем чужой человек. А если вы будете расти и дальше в своих медитациях, зависимость от нее будет все уменьшаться и уменьшаться – жена почувствует, что вы оставляете ее. Это невыносимо.

Если муж станет пьяницей, тогда все в порядке, ничего страшного. Наоборот, в глубине души жена почувствует себя неплохо, потому что она будет выглядеть достойней мужа, и она сможет поучать его, читать ему проповеди и морали. Всякий раз, когда муж явится домой, она сможет указать ему на его вину, обвинить его в том, что он пьет: «Ты убиваешь меня и детей, разрушаешь семью! Что ты делаешь?» Она будет чувствовать себя хорошей, если вы плохой – это взаимосвязано. Так что пьяницу можно стерпеть. Если муж начнет ходить к проститут-

кам, это можно стерпеть. Но если муж начинает медитировать, становится религиозным, это нестерпимо, непереносимо. Это ранит, глубоко ранит.

Я сказал этой женщине: «Насколько я знаю, медитация поставит под угрозу вашу семейную жизнь. Вы станете спокойней, умиротворенней, почувствуете блаженство, удовлетворение, но ваш муж будет думать, что вы бросили его. Пропась между вами будет расти. Ваши уровни будут все дальше друг от друга. Вы действительно начнете отдаляться от него».

Тогда жена сказала: «Постойте! В таком случае мне не нужна никакая медитация, никакое молчание, никакие молитвы, ничего. Я живу счастливой жизнью, я ничего не хочу менять в ней».

Таково желание. Вы хотели бы обладать чем-то, не подвергая все остальное угрозе. Но вы не можете получить что-либо ценное, не поставив под угрозу какую-то часть вашей жизни, это невозможно. На самом деле, чем больше то, к чему вы стремитесь, тем сильнее угроза, тем больше риск. Если вы стремитесь к Богу, вы должны быть готовы потерять все. Если вы хотите стать учеником, вы должны быть готовы отдать все, что у вас есть. Только в такой самоотдаче открывается единственная возможность – возможность передачи бытия.

Снова и снова я повторяю вам историю Будды и Махакашьяпы, но значение этой истории неисчерпаемо. В ней говорится, что однажды утром Будда сидел под деревом с цветком в руке. Он собирался произнести проповедь, которую ждали монахи – десять тысяч *бхикку* сидели и ждали. Становилось жарко, солнце поднималось все выше, а Будда молчал и смотрел на цветок. Внезапно монах по имени Махакашьяпа принялся смеяться, он хохотал, надрывая живот.

Все недоуменно посмотрели на Махакашьяпу: он что, сошел с ума? Утро выдалось странным: Будда никогда не вел себя подобным образом – он всегда приходил и начинал говорить. А сегодня он пришел с цветком, сидит и смотрит на него, как будто забыл про десять тысяч учеников, собравшихся перед ним.

А тут еще это! Махакашьяпа хохочет, а ведь никто его раньше не видел смеющимся, он был таким молчаливым. На самом деле никто не успел *узнать* его. В тот раз он впервые проявил себя на публике. Он был таким молчаливым, незаметным, он жил как тень. Никто не замечал его присутствия. Он был абсолютно неагрессивным – ведь когда вы добиваетесь, чтобы ваше присутствие заметили, вы тем самым прибегаете к насилию. Вы пытаетесь привлечь внимание. Этого смеющегося человека никто не знал. Что с ним случилось? Он сошел с ума!

Будда посмотрел на него, подозвал к себе и отдал ему цветок, сказав: «Все, что я мог сообщить словами, я сообщил другим. А то, что я не мог сообщить словами, – я передаю тебе, Махакашьяпа».

В дзен это называется передачей без писаний, передачей без слов.

Что было передано Махакашьяпе? До сих пор об этом говорят в дзенских монастырях, до сих пор буддисты размышляют над этим. Двадцать пять веков прошло с того утра, а великие философы до сих пор размышляют: что же случилось тем утром? Что было передано? Это не было передачей цветка, цветок – просто символ. Это было передачей всего существа Будды Махакашьяпе. Будда не переселился в Махакашьяпу, нет, он остался самим собой. Это похоже на то, как если бы вы поднесли зажженную свечу к другой, незажженной – внезапно язычок пламени перепрыгивает от зажженной свечи к незажженной. Горящая свеча остается той же самой, ничего не потеряно, свет все тот же, но зажглась еще новая свеча. Это прыжок, передача истины – *вот* что произошло тем утром.

Будда передал цветок как символ. До сих пор в Индии цветок остается символом цветущего сознания. Цветок лотоса означает абсолютное цветение сознания, когда его аромат распространяется по всему космосу. В то утро Будда перепрыгнул, пламя Будды перепрыгнуло в Махакашьяпу. Таким образом происходит передача истины.

Немногого достигнешь, если просто хочешь. Нужно страстно стремиться, желать так глубоко, чтобы превратиться в само желание, стать пламенем, страстью, жгучим желанием. Будь

рядом с мастером со жгучим желанием *знать*, и тогда в один из дней это случится: передача без писаний, передача без слов, передача от одного бытия другому, а не от ума к уму. Именно это сказал Будда: «Все, что можно передать словами, я передал другим, это передача от ума к уму. Все, что нельзя передать словами, я передаю тебе, Махакашьяпа», – и это передача от одного бытия другому бытию. Все остальные были студентами, Махакашьяпа был учеником. Махакашьяпа стал вторым буддой.

Человек сказал: *я хочу знать*.

Это ничего не стоит. Вы можете изучить географию, химию и много чего еще, если захотите. И даже без желания можно чему-то научиться, часто люди учатся против своего желания. Посмотрите на детей: их заставляют ходить в школу против желания, им совсем не хочется туда ходить, их принуждают – но даже их можно обучить. Они заканчивают университеты с ученой степенью, а у них никогда не было ни малейшего желания учиться. Но вот они становятся докторами наук, получают ученые степени, высшие ученые степени, становятся профессорами и учат тех, кто также не испытывает никакого желания учиться.

Когда речь идет об обычном обучении, научить можно чему угодно даже против желания, но когда речь идет о религиозном познании, даже имея желание, можно не достичь ничего. Желание должно стать жгучим, *абхенсой*.

В английском языке нет слова, передающего смысл слова *абхенса*. Оно означает, что осталось только одно желание, и больше ничего. Даже того, кто желает, больше нет – он тоже стал частью этого желания. Когда желание не является частью вас, а вы сами становитесь его частью, тогда это *абхенса*.

Я хочу знать, сказал человек. *Ты научишь меня?*

Мастера нельзя спрашивать подобным образом. Вопрос не в том, хочет ли мастер научить – мастер всегда готов обучать. Это не вопрос его желания или нежелания: мастер и *есть* само обучение. Даже когда он молча сидит, он обучает. Он просто дышит в тишине – и он обучает. Он что-то делает – и он обучает. Он ест – и он обучает. Он спит – и он обучает. Мастер – это непрерывное послание. Он – само учение.

Однажды произошло вот что. Один человек пришел к мастеру дзен и попросил об учении. Мастер сказал: «Хорошо. Будь здесь, и я научу тебя». Прошел час, два, три, и терпение того человека истощилось.

Много людей приходило и уходило – у мастера было много учеников, целый монастырь, он разговаривал с людьми, учил их, давал им разные задания, решал их проблемы – а тот человек все сидел в углу. Его терпение иссякло, он был сам не свой. Когда выпала свободная минутка, он сказал: «Послушай, я здесь уже три часа, а ты меня ничему не научил!»

Мастер посмотрел на него и спросил: «Чем же я, по-твоему, занимался все это время? Приходили люди, они задавали мне вопросы, я отвечал им. В этом и было обучение – не в ответах, а в отвечании. Тебе надо было смотреть, как я отвечаю. Люди приходили, здоровались, я им отвечал. Это было обучение. Некоторые люди приходили и просто молча сидели рядом со мной, я молчал, и они молчали – это было твоим обучением. Что я, по-твоему, делал эти три часа, болван? Я учил тебя». Но тот человек ничего не понял. Он не понимал, что это за способ обучения.

Мастер не учит, он и *есть* учение. Все его существо является посланием, он непрерывно шлет послание. То, как он направляет свой взгляд, какими жестами пользуется, как смотрит на вас – он все время сообщает вам нечто. Если вы этого не видите, вы слепы.

Мастеру не задают такой вопрос: *ты научишь меня?* Ведь именно в этом его предназначение. Свою работу он уже выполнил, она завершена. Для самого себя он уже сделал все, даже дышать для себя ему нет нужды, он сделал все необходимое. Если он ненадолго задержался на берегу, так это для вас – а иначе его корабль давно бы отплыл. На самом деле, его корабль сильно задержался. Если он остался на берегу, то это для вас. Чтобы научить вас.

Чтобы поделиться тем, чего он сам достиг. Такой вопрос не задают мастеру: «Ты научишь меня?» Наоборот, спрашивать надо: «Готов ли я к тому, чтобы меня научили?»

Либнани сказал:

Не думаю, что тебе известно, как учиться.

Когда вы пришли к мастеру, дело не в том, что вы спрашиваете. Выслушивать, что вы там говорите, – не его забота. Он знает, что вы из себя представляете. Вы можете сказать: «Я хочу знать», – или можете сказать: «Я очень хочу узнать», – или даже можете сказать: «Я горю желанием узнать и готов на все ради этого...»

Такое случается. Люди приходят ко мне и говорят: «Прими нас. Мы полностью в твоём распоряжении. Делай с нами все, что пожелаешь. Мы готовы на все». Они у моих ног. Но если я говорю им: «Тогда станьте саньясинами, пройдите инициацию», – они отвечают: «Это трудно, это очень и очень трудно – ходить в оранжевой одежде по улице». А ведь только что этот человек говорил: «Я в твоём распоряжении, я готов на что угодно, делай со мной, что пожелаешь». У него не хватает духа даже на то, чтобы сменить одежду, а он уверяет меня, что позволит мне полностью изменить его бытие!

Он не понимает, что говорил только что. Люди говорят и спят, они пьяные. Они не понимают, что говорят. Они могут встать на колени, но они не понимают, что делают, – потому что, если это просто жест, жест вежливости, в нем нет смысла. Это просто манерничество, оно ничего не значит. Только если они искренни, подлинны, в этом может быть сила трансформации.

Но если я немедленно говорю: «Смените одежды», – они пугаются. А если я скажу: «Смените ваше бытие», – смогут ли они справиться с этим?.. Потому что даже если смена платья ставит вас в неловкое положение на улице, в случае смены бытия вам уже не выпутаться из неприятностей. Куда бы вы ни отправились, вы везде будете изгоем. Вы будете принадлежать другому миру, а в этом от вас отвернутся все знакомые. Даже ваши близкие начнут отстраняться и отдаляться от вас, они не смогут вас понять, вы станете иностранцем в собственном доме. Вы станете изгоем, и люди будут избегать вас, они будут обходить вас стороной. Они будут напуганы: вдруг ваша болезнь заразна?

Не нужно задавать вопросы мастеру, надо просто быть в присутствии мастера. В Индии у нас есть слово *даршан*. Оно означает непосредственное присутствие перед мастером. Ничего не надо говорить, ему не нужны ваши слова, чтобы знать, – и то, что вы скажете, может оказаться ложью, потому что в вас столько разных фрагментов. Один фрагмент говорит одно, другой – другое. Вы толпа, в вас нет единства. Сейчас вы говорите одно, в следующий миг – другое. В вас все перепутано, вы хаотичны.

Когда вы рядом с мастером, просто оставайтесь в его присутствии, и пусть он сам решит, что вы за человек и как можно работать с вами. Пусть решает мастер – не вмешивайтесь.

Либнани сказал: *Не думаю...* Вы говорите, что хотите, но я так не думаю – *я не думаю, что тебе известно, как учиться*. Вы не способны на это. У вас нет восприимчивости. В вас нет той женской природы, которая способна к обучению. Вы закрыты. Я вижу это – вы закупорены со всех сторон. Нет ни единой щелки, куда можно проникнуть... все окна закрыты, все двери закрыты.

Когда вы закрыты, от вас исходят определенные вибрации. За сотни шагов мастер может почувствовать, закрыт приходящий к нему или открыт. Качество открытого человека совсем другое: он невесом, словно и не ступает по земле – он парит, как будто гравитация на него не действует. Он уже не совсем земное существо.

Открытый человек совсем другой. Когда вы приходите к мастеру, и вы открыты, тогда вы готовы узнать.

Должно быть, тот человек был закрыт. Он пришел учиться, но он не был готов открыться. А как можно узнать что-то, если вы не открыты? Ум, наполненный предубеждениями, концепциями, теориями, писаниями, знаниями, не способен к обучению. Чтобы научиться, сначала надо разучиться. Разучиться – способ обучиться.

Какими бы знаниями вы ни обладали, с ними надо расстаться: нужен девственный ум. Вы переполнены, у вас в голове слишком много знаний. Должно быть, тот человек был ученым, пандитом. Возможно, он был знатоком Корана, знал его назубок, мог по памяти читать его.

Мастер сказал: «Не думаю, что тебе известно, как учиться. Ты шел ко мне, но не пришел. Ты принес сюда все свое барахло – мусор, хлам своего ума. Выброси это!» Только тогда появится возможность узнать что-либо.

Один человек пришел к Рамана Махарши и сказал: «Я пришел издалека, из самой Германии, и я пришел учиться у тебя». Рамана ответил: «Тогда тебе надо идти в другое место, здесь мы обучаем неучению. Учение – не наш метод. Иди и поищи другое место».

Возможно, это был немецкий ученый, возможно, он изучал Веды, Упанишады, и эти занятия возбудили в нем интерес к личности Раманы. Чтение Упанишад пробуждает желание познакомиться с тем, кто знает. Перелистывая страницы Вед, проникаешься восторгом, восхищением, они околдовывают, гипнотизируют. Начинаешь мечтать о встрече с одним из провидцев, о которых повествуют Веды, с человеком того же калибра, что и пророки из Упанишад, – со знающим. Возможно, этот человек пришел, повинуясь духу писаний.

Но вы никогда не узнаете знающего. Он никогда не соответствует духу писаний. Писания могут привести к нему, но он скажет, чтобы вы отбросили любые писания. О той самой лестнице, по которой вы взобрались к нему, он скажет: «Отбросьте ее! Теперь, когда вы пришли ко мне, ни Веды, ни Упанишады, ни Коран не нужны, избавьтесь от них. Теперь я с вами, живой».

Иисус говорит: «Я – истина, не приносите сюда писания». Рамана сказал: «Вам надо искать другое место, здесь мы обучаем неучению. Если вы готовы к неучению, тогда оставайтесь здесь. Если же вы пришли, чтобы пополнить свои знания, вы пришли не туда. Вам нужно другое место – для пополняющих знания есть университеты. Когда вы идете ко мне, приходите для неучения. Здесь университет для тех, кто готов избавиться от своих знаний, где творят неумы, университет, где любые ваши знания будут отброшены».

Все ваши знания должны быть отброшены, тогда вы сможете узнать – тогда вы обретете ясность, совершенство, ваши глаза не будут затуманены тезисами и теориями, предубеждениями и концептами, тогда ваш взгляд станет чистым, абсолютно чистым и прозрачным, и вы сможете увидеть. Истина уже здесь. Она всегда была перед вами.

Либнани: *Не думаю, что тебе известно, как учиться.*

Человек: *Не мог бы ты научить меня этому?*

Должно быть, это был исключительно логичный человек. Он реагирует как логик. Он говорит: «Хорошо, если ты считаешь, что мне не известно, как учиться, тогда научи меня, как это делать». *Не мог бы ты научить меня этому?*

С логической точки зрения проблема именно такова, проблема остается той же самой. Либнани говорит: *Не думаю, что тебе известно, как учиться.* И человек отвечает ему логически. Если бы он был человеком понимания, а не логики, он бы закрыл глаза. Он бы взгляделся в самого себя, осмотрелся внутри своего бытия и своего существа: «О чем говорит Либнани? Он говорит, что я не знаю, как учиться», – этот человек должен был пристально всмотреться в самого себя.

Если бы он был человеком понимания, он бы стал медитировать над этим. Он бы сказал Либнани: «Я пойду и буду медитировать над тем, что вы сказали. Вы сказали великую истину. Вы уже начали обучать меня. Я уже узнал кое-что – оказывается, я не знаю, как учиться! Я уже

знаю так много! Это может стать хорошим началом. Я пойду и буду медитировать над этим. В том, что вы сказали, столько действенной истины! Вы подумали совершенно верно. Позвольте мне исследовать себя, чтобы понять то, что вы сказали обо мне».

Но ничего подобного, этот человек был очень логичным – не человеком понимания, а человеком знания, расширяющим свои знания. Он обсуждает вопрос как юрист. Он говорит: «Это веский аргумент». Он говорит: «Хорошо, если вы считаете, что я не знаю, как учиться, не могли бы вы научить меня этому?» Снова центр тяжести переносится на плечи мастера: «Не мог бы ты научить меня?» Сам он не сдвинулся со своей позиции ни на волос.

Он продолжает считать, что истине можно научить, а Либнани указывает ему на факт, что истину можно только узнать. Их позиции полярны. И грань тонка. От него ускользнула суть. Он другими словами повторяет то же самое: *Не мог бы ты научить меня этому?*

Либнани: Способен ли ты узнать, как позволить мне научить тебя?

И та, и другая сторона продолжают настаивать на своем. Либнани снова говорит: *Способен ли ты узнать, как позволить мне научить тебя?*

Истине нельзя научить, но истину можно узнать. Если вы думаете, что ей можно научиться, тогда вы будете без конца кружить вокруг да около. Возможно, вы встретите множество учителей и мастеров, но вы не встретите истину, потому что с самого начала пошли не в том направлении. Ориентироваться надо на то, что истину можно узнать. Начинать надо с ученика – и если ученик готов, мастер появится.

Но что значит быть учеником? Это значит быть открытым. Быть восприимчивым. Быть готовым к встрече. Доверять.

Вы когда-нибудь наблюдали за розой? Вечером, когда садится солнце и день клонится к концу, а вместе с ним и день розы клонится к концу, и ей настает время уйти, лепестки розы начинают опадать – они медленно падают на землю, без колебаний и сомнений. Лепестки розы, такие нежные, но такие сильные, не беспокоятся о том, куда они падают, куда их несет – достигнут ли они земли, чтобы в ней отдохнуть, уснуть, или их падение будет бесконечным, в пропасть? Кто знает? Но они не колеблются. Такие мягкие, такие нежные – но такие сильные: никакой неуверенности, никакой привязанности к цветку. Время пришло. Они просто оставляют цветок и падают на землю.

Суфийский мастер говорит своим ученикам: «Просто доверяйте. Разве не так опадают лепестки розы?»

Когда вы приходите к мастеру, будьте как эти лепестки розы. Падайте в мастера, точно так же падайте в мастера – как лепестки роз падают на землю, полные доверия, не сомневаясь, что земля их встретит, даст им отдых, даст умереть, без малейших усилий с их стороны. Гравитация земли сделает свое дело – а их дело доверять. Если лепесток полон доверия, он не будет цепляться за растение – он просто доверяет и падает вниз.

Просто доверяйте! Это и значит быть учеником. Разве не так опадают лепестки розы? Достаточно на сегодня.

Глава 2. Зачем ты пришел?

Бахаутдин Эль-Шах сидел со своими учениками, когда вошла группа его последователей. Эль-Шах опросил каждого из них, одного за другим, зачем тот пришел.

Первый ответил: «Ты величайший из живущих на Земле».

«Я дал ему лекарство, когда он был болен, и теперь он считает, что я величайший человек на земле», – сказал Эль-Шах.

Второй сказал: «Моя духовная жизнь наполнилась с тех пор, как мне позволено было увидеть вас».

«Он был полон неуверенности и беспокойства, никто не хотел даже слушать его. Я посидел вместе с ним, и родившееся в нем спокойствие он называет духовной жизнью», – сказал Эль-Шах.

Третий сказал: «Вы понимаете меня, и все, о чем я прошу, – это слушать ваши речи на благо моей души».

«Ему нужно внимание, он хотел бы, чтобы его замечали хотя бы ради критики, – сказал Эль-Шах. – Это он называет благом для своей души».

Четвертый сказал: «Я ходил от одного к другому, выполняя практики, которым меня учили. В этом не было никакого толка, пока вы не дали мне вазифу – только тогда я почувствовал настоящее озарение».

«Упражнение, которое я придумал и дал этому человеку, не имело никакого отношения к его духовной жизни, – сказал Эль-Шах. – Просто нужно было показать ему, что его духовность иллюзорна, прежде чем я смог бы пробиться к той части души этого человека, которая действительно духовна, а не сентиментальна».

Поиск зависит от ищущего. Мастера могут только показать путь. Поиск зависит от ищущего – от того, какое качество бытия, какое качество вопрошания привносит ищущий в свой поиск. Все будет зависеть от этого: почему он ищет, по какой причине – ведь причина поиска становится источником роста. Если причина не та, он с самого начала делает неверный шаг, а неверное начало не может привести к верной цели. Первый шаг – это также и последний шаг, потому что в первом шаге уже содержится, потенциально присутствует последний шаг.

Семя – это дерево, потому что семя потом вырастает в дерево. Рост ищущего приводит к определенной цели, но если с самого начала причина исканий неверна, все остальное тоже будет напрасным.

Мастера могут только направить на путь, они могут только показать его. Все остальное должны сделать вы сами, должен сделать ученик. Дисциплина не должна навязываться, ни один мастер никогда никому не навязывает дисциплину. Он помогает вам найти вашу собственную дисциплину – вот в чем разница между псевдомастером и настоящим мастером.

Псевдомастер – это тот, у кого уже есть готовая формула, модель. Он навязывает эту модель всякому, кто приходит к нему. Приходящий человек безразличен псевдомастеру. Приходящий – просто статистическая единица, а не личность, просто объект, к которому можно применить дисциплину, которая всегда под рукой. В уме уже заготовлен шаблон. Псевдомастер убивает многих людей, разрушает многих людей, потому что у каждого человека своя собственная внутренняя программа роста. Внешняя дисциплина никому не нужна.

Настоящий мастер, такой как Бахаутдин, ничего не навязывает. Он просто помогает вам найти собственную дисциплину, помогает найти свой путь. Он помогает вам расти, не по его указанию, а в согласии с вашим собственным бытием – потому что вы семя, из которого должно вырасти дерево. Самое большее, на что способен мастер, – это быть любящим садовником, чье сочувствие непрестанно орошает вас. Оно нянчит вас, ничего вам не навязывая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.